

DOI 10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50
УДК 316.653

Обзорная статья

Этос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения

Е.О. Голынчик

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Российская Федерация, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9

Аннотация. В статье раскрывается понятие этоса трудноразрешимого конфликта, практически не встречающегося в русскоязычной научной литературе. Под этосом конфликта понимается система социальных верований и мифов, разделяемых большой группой, включенной в затяжной трудноразрешимый конфликт, которая тесно связана с доминирующей в данном обществе историей конфликта, то есть коллективной памятью о нем. Понятие трудноразрешимого межэтнического конфликта было введено в отечественную психологию Т.Г. Стефаненко, которая начала традицию изучения феноменологии трудноразрешимых межгрупповых конфликтов на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. Настоящая статья является продолжением этой научной традиции и знакомит читателя с современными исследованиями в данной области. В первой части работы приводится определение трудноразрешимого конфликта, анализируется классическая теория этоса конфликта Д. Бар-Талья, характеризуются методы изучения этоса в зарубежной социальной психологии. Раскрывается содержание восьми тем, вокруг которых группируются убеждения, входящие в состав этоса конфликта. Во второй части статьи приводится критика исследований этоса, звучащая в современных работах, и анализируются новые подходы к анализу этого феномена, предлагаемые зарубежными учеными. Представлены три современных направления изучения этоса. Первое связано с попыткой объяснить его устойчивость с привлечением категориального аппарата теории оправдания социальной системы Дж. Джоста. Второе – исходит из предположения о том, что верования членов конфликтующей группы не единообразны, поэтому важно изучать не только доминирующую в обществе точку зрения на конфликт, но и альтернативное видение групп меньшинства или даже групп-аутсайдеров, скорее, противостоящее этосу, потому что нередко именно альтернативный взгляд помогает найти выход из, казалось бы, неразрешимой ситуации. И последнее направление связано с исследованиями на стыке феноменологии этоса конфликта и коллективной памяти.

Ключевые слова: трудноразрешимый межгрупповой конфликт, этос конфликта, Т.Г. Стефаненко, межэтнический конфликт, межгосударственный конфликт, коллективная память, теория оправдания социальной системы

Введение

Татьяна Гавриловна Стефаненко была первым автором, обратившимся к проблематике трудноразрешимых межэтнических конфликтов в отечественной психологии. При этом она отмечала, что в современном мире сложно выделить «чистые» этнические конфликты, так как в реальности подобные столкновения социальных групп носят «социокультурный характер из-за различий в языке, религии, обычаях, особенностях ментальности» (Стефаненко, 2014. С. 289), а кроме того, могут быть как межгосударственными, так и региональными и обычно политизированы. Мы тоже будем придерживаться этой точки зрения, используя термин «межэтнические конфликты».

На страницах своего учебника по этнопсихологии Т.Г. Стефаненко цитирует работы основоположника исследований в области психологии трудноразрешимых конфликтов, израильского ученого Даниэля Бар-Таля (Там же. С. 290). Можно смело сказать, что интерес автора настоящей статьи к теме трудноразрешимых конфликтов возник благодаря многолетнему сотрудничеству с Татьяной Гавриловной на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, особенно в рамках двух совместных грантов, одним из которых руководила она сама, второй мы начинали совместно, а заканчиваем уже без ее участия.

Хочется кратко остановиться на небольшой, но важной традиции исследований трудноразрешимых конфликтов на кафедре социальной психологии МГУ имени М.В. Ломоносова. С момента обострения отношений между Россией и Украиной в 2014 году мы с Татьяной Гавриловной приступили к изучению межгруппового восприятия россиян и украинцев в рамках совместных со студентами исследований. По результатам этих исследований мы пришли к выводу о возможности рассматривать отношения России и Украины как начинающийся трудноразрешимый конфликт. В 2015 году автором данной статьи, вдохновленным Т.Г. Стефаненко, был сделан теоретический обзор зарубежных работ, посвященных тематике трудноразрешимых конфликтов и коллективных эмоциональных переживаний их участников (Голыничик, 2015). Исследования в этой области были продолжены последней аспиранткой Татьяны Гавриловны А.М. Потаниной (Потанина, 2018). Последние публикации Т.Г. Стефаненко были посвящены исследованиям культурной памяти о геноциде и репрессиях, также затрагивающих проблематику трудноразрешимых конфликтов (Донцов, Стефаненко; 2017, Стефаненко и др., 2017а; 2017б). Кроме того, нами проводились и новые совместные со студентами исследования представлений о конфликте между Россией и Украиной, транслируемых СМИ, а также у разных групп наших соотечественников с применением количественных (с О.И. Яблонской¹) и качественных (с Д.П. Елеференко) методов (Голыничик, 2018). В последнем исследовании акцент делался на роли коллективной памяти в конструировании представлений о конфликте, при этом мы опирались на концепцию этоса трудноразрешимого конфликта. На сегодняшний день проблематика этоса конфликта включена в спецкурс

¹ О.И. Яблонская защищала дипломную работу в год кончины Т.Г. Стефаненко, она начинала исследование под руководством Татьяны Гавриловны, а заканчивала под руководством автора статьи.

по психологии межгрупповых отношений, читаемый нами на факультете психологии МГУ имени М.В. Ломоносова после ухода Т.Г. Стефаненко.

В этой статье нам бы хотелось продолжить теоретический обзор исследований проблематики трудноразрешимых межэтнических конфликтов в зарубежной психологии и, в частности, обратиться к традиции изучения этоса конфликта (*ethos of conflict*). Данный термин практически не используется в отечественной социальной психологии, что, на наш взгляд, является упущением. На страницах статьи мы раскроем понятие этоса конфликта, а также рассмотрим классическую теорию этоса Бар-Талья, обратимся к ее критике и современным направлениям исследований в данной области. Одна из целей этой статьи – ввести понятие этоса в категориальный аппарат отечественной психологии межгрупповых отношений.

Понятие этоса трудноразрешимого конфликта в зарубежной социальной психологии

Выделение трудноразрешимых межгрупповых конфликтов в отдельную категорию принадлежит выдающемуся ученому, исследователю феноменологии межгрупповых конфликтов Д. Бар-Талю² (Bar-Tal, 2007). Понятие было введено в научный обиход в 80-х гг. прошлого века. На протяжении более 30 лет было проведено множество исследований трудноразрешимых межэтнических и межгосударственных конфликтов по всему миру, в Израиле образовалась целая научная школа, занимающаяся изучением данной проблематики на материале Палестино-израильского конфликта. Ученик Бар-Талья Эран Гальперин в настоящий момент является одним из самых ярких представителей этой школы, а также основателем лаборатории изучения коллективных эмоций в трудноразрешимом конфликте в Иерусалиме (Halperin, 2016), он активно развивает идеи своего учителя в научных работах.

Бар-Таль и Гальперин определяют трудноразрешимый конфликт как продолжительное, затяжное противостояние двух групп, включающее разрушительные эпизоды взаимного насилия, требующее огромных ресурсов и затрагивающее чрезвычайно важные цели, ценности и потребности обеих групп, занимающее центральное место в судьбах и исторической памяти как отдельных людей, так и обществ, втянутых в конфликт. Противоречие, лежащее в основе такого конфликта, воспринимается как экзистенциальное, неразрешимое по своей природе, как «игра с нулевой суммой» (Bar-Tal, 2013, Halperin, 2014).

Бар-Таль считает, что участие в трудноразрешимом конфликте не проходит бесследно и сильно меняет психологию противостоящих групп, в результате вырабатывается механизм адаптации общества к длительному насильственному противостоянию, связанный с изменением картины мира, включением коллективных защитных механизмов и копинг-стратегий, что и

² Понятие трудноразрешимого конфликта используется при изучении разных типов отношений: и семейных, и организационных, и межгрупповых на уровне малых и больших групп (Saleman, 2014). Подход Д. Бар-Талья направлен на исследование трудноразрешимого конфликта именно на уровне больших этнических, религиозных групп и государств.

приводит к формированию этоса конфликта. Термин «этос конфликта» был предложен Бар-Талем в конце 1990-х – начале 2000-х годов для обозначения системы социальных верований, мифов и убеждений, разделяемых большой группой, включенной в трудноразрешимый конфликт. Эти верования тесно связаны с доминирующей в данном обществе историей конфликта, то есть коллективной памятью о нем (Bar-Tal, 2013). С одной стороны, этос объясняет причины возникновения конфликта и необходимость продолжения конфронтации, то есть оправдывает происходящее насилие, служит механизмом воспроизведения трудноразрешимого конфликта из поколения в поколение. Он является социально-психологическим барьером для примирения сторон. А с другой стороны, верования, составляющие этос, помогают членам конфликтующих групп адаптироваться к тяжелейшим условиям затяжного конфликта, войн и насилия. Этос конфликта всегда поддерживает трудноразрешимый конфликт и в этом смысле противопоставляется этосу мира (Bar-Tal, Halperin, 2011).

Важно отметить, что этос конфликта является чрезвычайно устойчивым образованием, составляет важную часть менталитета группы, определяет социальную идентичность ее членов и передается внутри общества, втянутого в трудноразрешимый конфликт, из поколения в поколение. То есть его разделяют члены конфликтующих групп, которые не были непосредственными участниками или свидетелями начала конфликта и всех его событий. Этос конфликта и связанные с ним коллективные эмоциональные переживания, например страха или ненависти по отношению к членам аут-группы, транслируются при помощи коллективной памяти (Bar-Tal, 2007). Эти коллективные эмоциональные ориентации связаны с прошлыми событиями конфликтной истории и могут не иметь отношения к жизненной ситуации конкретного члена группы в настоящем. Они происходят из социальной идентичности, испытываются во имя своей группы, ее пострадавших, униженных и погибших членов и являются одной из главных психологических сил, поддерживающих этос конфликта (Halperin, 2016).

В качестве методологической основы при изучении этоса конфликта нередко выступает теория социальных представлений С. Московиси, подробно описанная в русскоязычной литературе (например, Бовина 2010, Емельянова, 2016) и применяемая в исследованиях коллективной памяти (Емельянова, 2002, 2019). Исследователи этоса конфликта используют как специально разработанную Бар-Талем с коллегами шкалу этоса (Bar-Tal et al., 2012), так и традиционные для изучения социальных представлений количественные и качественные опросные методы, такие как контет-анализ, интервью, фокус-группы, метод свободных ассоциаций, анкетирование (Cohrs et al., 2015).

Бар-Таль выделил восемь тем, в которые объединяются верования и убеждения, входящие в состав этоса трудноразрешимого конфликта (Bar-Tal, 2013):

- 1) обоснование справедливости целей ингруппы, связанных с продолжением противостояния, например военных действий;
- 2) доказательства существования реальной угрозы для ингруппы (для жизни, безопасности ее членов, традиций и культуры);
- 3) поддержание позитивной социальной идентичности членов ингруппы (автостереотипов, состоящих из положительных качеств, позитивного образа группы, например видение ее как сильной, целостной, благородной);

4) позиционирование ингруппы в качестве невинной жертвы (коллективная память о пережитых страданиях, терроре, геноциде, уничтожении культуры и реликвий), усиление чувства жертвенности в настоящем (виктимизация);

5) делигитимизация аутгруппы (например, посредством негативной моральной оценки, указания на нарушение правовых и моральных норм, предубеждений, «наклеивания ярлыков» с негативной коннотацией, таких как «фашисты», «террористы», формирования «образ врага» и дегуманизации);

6) указание на необходимость патриотизма и самопожертвования со стороны членов ингруппы;

7) призыв к национальному единству и единству вероисповедания;

8) обоснование невозможности мирного решения конфликта.

Таким образом, когда подобные убеждения ярко выражены в обществе, ингруппа представляется как миролюбивая жертва, а противник критикуется за жестокость, бесчеловечность, ему приписывается ответственность за продолжающийся конфликт и насилие. Бар-Таль поясняет, что некоторые из восьми тем этоса не уникальны для групп, втянутых в трудноразрешимые конфликты, а могут встречаться и в других формах межгрупповых отношений. Однако он подчеркивает, что именно в такой прочной комбинации эти убеждения представляют собой полномасштабный этос трудноразрешимого конфликта (Bar-Tal et al., 2012).

На первый взгляд, кажется нелогичным, что участники военных действий и затяжного межгосударственного противостояния, испытывающие лишения и страдания из-за насильственного конфликта, могут хотеть продлить и даже увековечить его. Исследования этоса были направлены на поиск объяснения этого противоречия и анализ функций этоса. Было продемонстрировано, что, с одной стороны, подобная система убеждений помогает членам общества справляться с условиями затяжного конфликта, приспособиться к нему, сохранив позитивную социальную идентичность и веру в возможность контроля над ситуацией, выполняя таким образом позитивную функцию (Bar-Tal, 2013). То есть, этос конфликта отражает искренние попытки придать смысл и организовать опыт, который составляет огромную часть жизни общества в контексте трудноразрешимого конфликта, и уменьшить неопределенность в отношении будущего развития событий в зоне конфликта. Однако, с другой стороны, верования, составляющие этос, являются односторонними оценочными суждениями и представляют конфликт в «черно-белом свете», приводят к росту недоверия, враждебности, высокой чувствительности к любым признакам угрозы, меньшей гибкости мышления при осмыслении событий, снижают готовность к компромиссу, подталкивают к такой интерпретации ситуации, которая способствует затягиванию конфликта и его эскалации (Bar-Tal, Halperin, 2011; Halperin, 2014). То есть, в таком случае функции этоса конфликта можно назвать негативными с точки зрения прекращения насилия и примирения сторон.

Далее мы рассмотрим современные направления изучения этоса в зарубежной социальной психологии и некоторые критические замечания к традиционному взгляду на этот феномен. И начнем мы с попытки объяснить устойчивость этоса конфликта через детальный анализ его позитивных функций.

Исследование взаимосвязи между приверженностью этосу конфликта и идеологическими предпочтениями членов конфликтующих групп

Данное направление представлено работами Джона Джоста, автора теории оправдания социальной системы (Jost et al., 2015a). Надо сказать, что изучение склонности членов общества к оправданию социальной системы – отдельное направление исследований в психологии межгрупповых отношений. Под оправданием социальной системы понимается позитивное отношение к существующему в обществе экономическому и политическому порядку, вера в его справедливость и целесообразность вне зависимости от того, каким он является. За склонностью оправдывать социальный статус-кво стоит потребность в сохранении непротиворечивого образа мира, так как представления о политическом и экономическом устройстве общества, политические убеждения и взгляды человека являются частью этого образа. На сегодняшний день ориентация на оправдание социальной системы – общий термин, объединяющий исследования идеологических предпочтений правого толка в западной социальной психологии, включающие изучения таких убеждений, как правый авторитаризм (Altemeyer, 1998), ориентацию на социальное доминирование, меритократию, протестантскую рабочую этику (Гулевич, 2017). Согласно теории оправдания системы, почти каждый человек мотивирован, по крайней мере до некоторой степени, защищать, поддерживать и рационализировать разные аспекты социального статус-кво, особенно нормы и институты, от которых зависит его жизнь, безопасность и благополучие. Степень, в которой человек разделяет правую идеологию, считается его личностной особенностью. Однако, исследования Дж. Джоста, Б. Альтмейера, Дж. Даккита и их коллег показали, что идеологические убеждения, так или иначе оправдывающие социальную систему, не являются абсолютно устойчивой характеристикой взрослого индивида. Они формируются в процессе социализации, однако могут и меняться ситуативно в зависимости от ощущения угрозы, неопределенности, под воздействием событий, актуализирующих страх смерти, таких как террористические акты (Гулевич, 2017. С. 44). Нетрудно заметить, что в контексте трудноразрешимого конфликта такие ситуации возникают регулярно.

Дж. Джост рассматривает этос конфликта и склонность к оправданию существующего социального порядка как взаимодополняющие системы убеждений, которые особенно сильно выражены у большинства членов групп в ситуации затяжного насильственного конфликта. Взаимосвязь идеологических убеждений и аттитюдов по отношению к войне сегодня активно изучается и на российской выборке (Гулевич, Неврюев, 2015; Gulevich et al., 2019). Используя наработки теории оправдания социальной системы, Джост делает попытку более обстоятельно ответить на вопрос о том, как именно подобная система взглядов помогает справляться с трудноразрешимым конфликтом и какие потребности членов конфликтующих групп удовлетворяются с ее помощью. Все это позволяет более глубоко проанализировать природу устойчивости трудноразрешимого конфликта.

Джост развивает идеи Бар-Талья (Bar-Tal, 2007) о трех основных проблемах, к которым должны адаптироваться участники трудноразрешимого конфликта.

1. *Депривация потребностей в безопасности, порядке, уверенности и контроле над собственной жизнью, снижении неопределенности.* Джост называет их эпистемологическими потребностями (epistemic needs). Предшествующие исследования в рамках теории оправдания социальной системы показали, что поддержка социального статус-кво и консервативных политических взглядов наиболее часто встречается у респондентов с ситуативно или хронические сильно выраженными эпистемологическими потребностями (Hennes et al., 2012). Джост утверждает, что инфраструктура трудноразрешимого конфликта меняет идеологические предпочтения большинства членов конфликтующих групп, усиливая ориентацию на традиционные ценности, предпочтение хорошо знакомых социальных условий и жизненных принципов новым идеям и мнениям. Следствием этого является формирование этоса конфликта, недоверие и бескомпромиссный взгляд на конфликт (Jost et al., 2015b).

2. *Высокий уровень стресса и других негативных эмоциональных состояний* (например, участники Палестино-израильского конфликта должны выдерживать довольно серьезные уровни хронического стресса, боли, горя, страха, угрозы, травматических переживаний и неуверенности), *что обостряет потребности в самосохранении, безопасности, спокойствии.* Джост называет эти потребности экзистенциальными (existential needs). Более ранние исследования продемонстрировали, что члены общества с ситуативно или постоянно сильно выраженными экзистенциальными потребностями склонны больше поддерживать лидеров с консервативными взглядами (Altemeyer, 1998; Vonanno, Jost, 2006). Именно действием этого фактора автор объясняет увеличение количества граждан с правыми взглядами и успех правых партий на выборах в Израиле после серии террористических атак в 2000 году. Исследования также показывают, что высокая подверженность страху и тревоге перед террористическими событиями, чувствительность к любым признакам угрозы связаны с более сильной поддержкой социальной политики жестких мер в отношении Палестины (Jost et al., 2015b).

Джост пишет о том, что поддерживающие конфликт убеждения, как и другие оправдывающие систему верования, могут выполнять «паллиативную» функцию, защищая людей от некоторых самых печальных эмоциональных последствий конфликта. Например, Ирис Леви и ее коллеги установили, что люди с выраженным этосом конфликта несли меньший психологический ущерб и сообщали о меньшей депрессии после переживания потери дома в ходе Палестино-израильского конфликта (Lavi et al., 2014).

3. *Символические и материальные вызовы социальной идентичности членов конфликтующих групп со стороны группы противника, приводящие к усилению потребностей в принадлежности к группе, социальной поддержке (от друзей, семьи и единомышленников).* Джост называет их отношенческими потребностями (relational needs), и его исследования продемонстрировали, что индивиды с высокой конформностью и лояльностью своей группе, высокой ценностью общности убеждений, существующих в семье и обществе, более политически консервативны. Этос конфликта также выполняет функцию объединения членов группы и сохранения позитивной социальной идентичности (Jost et al., 2015b).

Таким образом, можно сказать, что поддержка известного и знакомого уклада жизни в условиях трудноразрешимого конфликта помогает снизить коллективную тревогу и чувство угрозы за счет веры в то, что социальная система и ее власть легитимны, устойчивы, доброжелательны к гражданам и помогают людям удовлетворить потребности в уверенности, безопасности и принадлежности к сообществу. Судя по всему, оправдание социальной системы делает этос конфликта более устойчивым, усиливает мнение, что члены чужой группы опасны и могут нанести удар в любой момент и важно быть к этому готовым. Оправдание социальной системы позволяет рационализировать существующий порядок вещей, то есть длящийся насильственный конфликт, сохранить его, а вместе с ним и знакомую, известную и предсказуемую картину мира. Но в то же время, именно благодаря поддержке статус-кво повышается вероятность того, что новые атаки со стороны аутгруппы будут иметь место в реальности (Jost et al., 2015b). Бар-Таль и Гальперин отмечают, что разделение поддерживающих конфликт верований может способствовать формированию избирательной, предвзятой и искажающей картины мира. В результате этого, мирные жесты, инициированные противником, новые предложения по урегулированию, выдвинутые третьими сторонами или оппонентом могут не получить должного внимания и рассмотрения (Bar-Tal, Halperin, 2011).

Этос конфликта и оправдание системы могут иметь коварные последствия в виде увековечивания цикла насилия: когда переживание конфликта вызывает чувство хронической неуверенности, угрозы и социальной изоляции, и эти чувства побуждают людей принимать оправдывающие систему убеждения, которые обеспечивают общественную поддержку политики, порождающей дальнейшее насилие.

От этоса конфликта к дифференцированным представлениям о трудноразрешимом конфликте в группах с разной идеологией

Представители этого направления исследования этоса конфликта Кристофер Хор и его коллеги из Бременского университета Якобса исходят из предположения, что верования членов конфликтующей группы не единообразны, поэтому важно изучать не только доминирующую в обществе точку зрения на конфликт (соответствующую этосу), но и альтернативное видение (например, групп меньшинства или даже групп-аутсайдеров), скорее, противостоящее этосу (Cohrs et al., 2015).

Немецкие авторы критикуют и методологию исследований Израильской школы, использующей шкалу этоса Бар-Талья, сконструированную по типу шкалы Лайкерта (Bar-Tal et al., 2012). Данный опросник, позволяет установить, насколько те или иные члены общества поддерживают или отвергают социальные верования, составляющие этос конфликта. Критики полагают, что шкала, состоящая из коррелирующих между собой утверждений, может показать большее единодушие в понимании конфликта членами общества, чем есть на самом деле. С ее помощью мы не можем установить, является ли этос основанным только на одной доминирующей истории конфликта, которую респонденты принимают или отвергают в разной степени, или за согла-

сием или несогласием с этосом могут стоять разные истории и качественно иные, альтернативные представления, имеющие свои нюансы. Их носителями могут быть разные идеологические подгруппы внутри общества. Если исследование фокусируется только на одном доминирующем представлении о конфликте, и его участники могут только соглашаться или не соглашаться с этим доминирующим представлением, то в результате мы получаем упрощение социальной реальности. В таком случае мы можем не заметить альтернативных, более «тихих голосов», скрывающихся в «хвостах распределения». А именно они могут открывать возможности для примирения. К. Хор и его коллеги призывают исследователей смотреть «за пределы» этоса конфликта, быть внимательными к разнообразию «голосов», представляющих общество. Это позволяет получить более дифференцированную картину (Cohrs et al., 2015). Подобный подход к исследованию представлений о конфликте связан с концепцией контр-нарративов (Bamberg, Andrews, 2004). Такое допущение множественности точек зрения на конфликт способствует лучшему его пониманию, чем один только концепт этоса конфликта. Внимание исследователей к альтернативным позициям по отношению к конфликту и их легитимизация могут создать конкуренцию циркулирующим в общественном дискурсе доминирующим убеждениям и верованиям и способствовать уменьшению дисбаланса власти идей. Особенно полезным могло бы быть выявление точек зрения, отражающих положительные аспекты межгрупповых отношений. Это дополнило бы уже существующие исследования этоса с их неизменным фокусом на негативной стороне конфликта и могло бы положить начало работе над концептуализацией «этоса мира».

В своих работах Хор описывает методологическую стратегию, позволяющую проводить подобные исследования, а также приводит результаты двух уже проведенных с ее помощью исследований (Cohrs et al., 2015). Данная стратегия предполагает выделение в обществах, имеющих отношение к трудноразрешимому конфликту (как непосредственно включенных в него, так и внешних, но знакомых с конфликтом) подгрупп с определенной идеологией (идеологических групп) и сочетает в себе использование качественных и количественных методов. При ее реализации респонденты объединяются исследователем в группы не на основе этнической, религиозной или языковой принадлежности, а на основе общих мнений относительно конфликта, социальных верований и убеждений. На формирование этого мнения может влиять локальный социальный контекст, в котором группы существуют, области знаний и источники информации, к которым их члены имеют доступ, процессы коммуникации и взаимодействия между ними, социальная идентичность, ценности и практики членов этих подгрупп. Например, это могут быть преподаватели гуманитарных дисциплин в вузах, как по одну, так и по другую сторону конфликта.

Первым этапом подобного исследования является выявление максимально большого числа разнообразных, часто противоположных и конкурирующих точек зрения на конфликт среди членов конфликтующих групп. Для этого используется метод интервью и анализ сообщений СМИ. По итогам проделанной работы формируется полный и исчерпывающий список утверждений о конфликте. Их может быть больше 100.

Второй этап – это анализ сходств и различий между убеждениями представителей разных идеологических подгрупп, выделение существующих среди респондентов точек зрения на конфликт. Для ее решения формируется небольшая выборка по принципу стратификации (чтобы в нее попали представители разных подгрупп и слоев общества) и используется методика *Q*-сортировки, предложенная еще в прошлом веке В. Стефенсоном (Stephenson, 1955). Такой подход позволяет зафиксировать индивидуальные точки зрения респондентов, а потом при помощи факторного анализа (не по переменным, а по респондентам) выделить группы участников исследования со схожими убеждениями и проанализировать общие и отличающиеся черты их точек зрения. Процедура исследования организована следующим образом. Сначала респондентов просят прочитать все утверждения и разделить их на три части: те, с которыми участник согласен, те, с которыми не согласен, и те, по которым у него нет четкого мнения. Затем респондентов просят расположить карточки с утверждениями вдоль шкалы в диапазоне от «абсолютно согласен» до «абсолютно не согласен». Им предлагается работать с карточками и перемещать их до тех пор, пока они не убедятся, что сортировка точно отражает их точку зрения. И наконец, участники могут высказать вербальные комментарии с обоснованиями проделанной сортировки. Данные *Q*-сортировки потом подвергаются индивидо-ориентированному факторному анализу, а полученные факторы дополнительно интерпретируются с помощью устных комментариев участников (Cohrs et al., 2015).

С опорой на данную методологическую стратегию Хор и его коллеги провели исследование представлений о Курдском конфликте. Они использовали именно это название вместо «турецко-курдский конфликт», чтобы не придавать слишком большое значение этническим категориям и подчеркнуть, что и с турецкой, и с курдской стороны могут быть схожие точки зрения на конфликт. На первом этапе учеными были выявлены представления, которые можно разделить на три области: причины и проблемы в конфликте (31 утверждение), процессы и динамика конфликта (56), возможные решения конфликта (30). *Q*-сортировка и факторный анализ позволил выделить пять разных точек зрения на конфликт (первые две из перечисленных – довольно похожие протурецкие точки зрения, их можно рассматривать как разновидности «турецкого государственного дискурса», а последние две – прокурдские): 1) правая точка зрения, которая подчеркивает политический характер компании Рабочей партии Курдистана как угрожающей гармонии в отношениях между турками и курдами, ответственность за конфликт возлагается именно на нее, а в качестве страдающей стороны выступают гармоничные отношения (присутствует и у турецких, и у курдских, и у арабских участников); 2) точка зрения, указывающая на роль внешних сил и экономические факторы как на центральные проблемы в конфликте, ответственность за конфликт возлагается на иностранные державы, а в качестве страдающей стороны рассматривается объединенная Турция (присутствует у турецких и арабских респондентов); 3) двойственное отношение к турецкому государству – одобрение ориентации на единство Турции при признании неправомерного поведения турецких должностных лиц, но категорическое несогла-

сие с терроризмом (присутствует у курдских респондентов); 4) вера в важность демократического решения и акцент на нарушении прав человека в конфликте, ответственность за конфликт возлагается на турецкое государство, а пострадавшая сторона – представители всех этнических групп в зоне конфликта (поддерживается турками, курдскими и арабскими респондентами); 5) точка зрения, акцентирующая внимание на продолжительном угнетении курдского народа и необходимости утверждения курдской идентичности и политических прав, ответственность за насильственный конфликт возлагается на турецкую армию, а виктимизируется курдская сторона (поддерживается только курдскими респондентами) (Cohrs et al., 2015).

В рамках одного из наших собственных исследований, проведенного с использованием дискурс-анализа текстов про российско-украинский конфликт мы опирались на опыт К. Хора и его коллег. На первом этапе анализу подвергались сообщения из новостных СМИ, посвященные отдельным эпизодам конфликта, а на втором – тексты интервью с москвичами. Выборку составили 32 респондента с высшим образованием: 16 человек в возрасте 19–25 лет (8 мужчин и 8 женщин) и 16 человек в возрасте 49–55 лет (8 мужчин и 8 женщин). Дискурс-анализ новостных сообщений, проведенный в 2014 году, показал конструирование представлений, очень близких к этосу конфликта. А вот дискурс-анализ ответов на вопросы интервью, проведенного в 2016 году, продемонстрировал более разнородную и неоднозначную картину. В частности, отношения России и Украины не описывались как реальный конфликт большинством респондентов. То есть вооруженные столкновения на юго-востоке Украины, присоединение Крыма к России не отрицались, но все эти события обозначались как «искусственный», «инсценированный», «тщательно подготовленный», «раздутый» конфликт. Фокус внимания смещался с противостояния России и Украины на противопоставление политических элит, «верхушек», властей обеих стран – с одной стороны и обычных граждан – с другой. В качестве представителей аутгруппы определялись лица, наделенные властью, независимо от их национальной принадлежности, и «спонсированные» ими агрессоры, а в качестве ингруппы – рядовые граждане России и Украины. Официальные власти представлялись в текстах в качестве агрессора, а большинство населения России и Украины описывалось как страдающее и испытывающее негативные последствия от искусственно созданного конфликта. При этом представители старшего поколения для объяснения конфликта использовали теории заговора, приписывая ответственность за развертывание конфликта также Западу и США. А респонденты из группы молодежи чаще определяли конфликт на Украине скорее как внутривосточный с участием России, но приписывали ответственность за его развертывание всем сторонам и заинтересованным лицам (Голыничик, 2018).

Подводя итог анализу данного направления изучения этоса, хочется вслед за его авторами подчеркнуть, что существование этоса конфликта не означает, что внутри конфликтующих обществ нет различий в том, как именно конфликт представляется. Скорее наоборот, в основе одного этоса существуют разные альтернативные представления о конфликтной истории.

Роль коллективной памяти в формировании этоса конфликта в обществе

Последнее направление исследований, на котором мы хотим остановиться, имеет большую практическую значимость, связанную с преодолением этоса конфликта и конструированием этоса мира. Как уже говорилось выше, одним из факторов, определяющих устойчивость и воспроизводимость этоса конфликта, является коллективная память о прошлых событиях, насильственных эпизодах в отношениях двух групп. Этос и коллективная память тесно переплетены друг с другом. Авторы данного направления – испанский ученый Дарио Паец и исследователь из Новой Зеландии Джеймс Лиу – анализируют вклад коллективной памяти в формирование и усиление этоса, а также предлагают через изменение и реконструирование воспоминаний трансформировать этос трудноразрешимого конфликта.

Ученые, опираясь на идеи Бар-Талю, разделяют этос конфликта как нарратив о настоящем и коллективную память или нарратив о прошлом (Paez, Liu, 2015). Функцией этоса конфликта является совладание с актуальными событиями и переживаниями. А коллективные воспоминания (чаще всего избирательные и пристрастные нарративы о прошлых событиях) используются для усиления и поддержания убеждений, входящих в этос, и способствуют формированию коллективных эмоциональных переживаний ненависти, страха и гордости (Bar-Tal, 2007). Подобная функция коллективной памяти хорошо известна и описывается в литературе, посвященной изучению социальных представлений об истории (Емельянова, 2019).

Коллективные воспоминания – это широко распространенные в обществе образы и знания о событиях прошлого, которые создаются, передаются и сохраняются группой как посредством межличностной коммуникации, так и в ходе коммуникации, опосредованной социальными институтами. Социальные представления о прошлом помогают сохранять чувство преемственности, позитивный образ собственной группы и поддерживать ценности и социальные нормы, которые регламентируют поведение и определяют социальную идентичность. Коллективные воспоминания избирательны, чаще запоминаются травмирующие, болезненные, экстремальные, неожиданные события. Именно такие воспоминания способны укрепить представления о страдании ингруппы, входящие в состав этоса трудноразрешимого конфликта (Донцов, Стефаненко; 2017, Стефаненко и др., 2017а; 2017б). Коллективная память долго хранит и события, представлявшие серьезную угрозу социальной идентичности, ценностям и единству ингруппы. Такие воспоминания позволяют связать актуальные проблемы в отношениях двух групп с прошлыми угрозами (Емельянова, 2019), удлиняют и «уплотняют» историю конфликтных отношений.

Таким образом, в коллективной памяти избирательно сохраняются и закрепляются полезные для текущих групповых нужд воспоминания о войнах. А общества, находящиеся в трудноразрешимом конфликте, разделяют этос, который, согласно Бар-Талю, является настолько мощным образованием, что притягивает к себе все остальные феномены, в том числе коллективную память, формируя такое описание истории, которое будет оправдывать

собственную группу и делигитимизировать аутгруппу. Именно коллективные воспоминания ответственны за формирование коллективной эмоциональной ориентации на страх, вытесняющий надежду (Bar-Tal, 2007). Каждый ритуал, в котором вспоминаются погибшие члены ингруппы и забываются жертвы из числа аутгруппы, как будто подкрепляет страх и ненависть к врагу. Все это порождает нарратив, сфокусированный на коллективной ингрупповой жертвенности, который может оправдывать агрессию в настоящем.

Опираясь на концепцию Бар-Тая, французская исследовательница Валери Росу, изучая взаимную вражду Франции и Германии, начавшуюся в конце XIX века и снизившуюся только после Второй мировой войны (Rosoux, 2001), и ряд других конфликтов (Rosoux, 2004) обнаружила общие черты социальных представлений о прошлых войнах:

1) члены враждующих групп представляют собственную группу как жертву, мученика и эталон нравственности; больше помнят собственных героев, мучеников и эпические сражения; а эпизоды войны, которые вызывают стыд, воспоминания о жертвах из числа мирных жителей и страданиях членов аутгруппы скрываются и забываются;

2) аутгруппа определяется как агрессор, несущий ответственность за прошлые и текущие травматические события;

3) воспоминания о пережитых страданиях используются в призывах к единству и при обосновании необходимости отомстить аутгруппе, они делают возмездие легитимным, оправдывая и рационализируя коллективное насилие.

Росу предполагает, что продолжение военных действий становится как бы законной формой почитания погибших предков. Социальные представления, особенно в нациях победителей, прославляя войну, приводят к формированию позитивных аттитюдов в отношении войны у молодых людей и готовности сражаться в будущих войнах (Paez, Liu, 2015). Такие группы помнят больше военных событий и оценивают их менее негативно, а саму войну рассматривают как справедливую и необходимую (Liu et al., 2012). Мемориалы, памятники и учебники истории часто приукрашивают события, связанные с коллективным насилием и гибелью миллионов людей, ужасы войны затмеваются акцентированием внимания на героизме и славе, как бы оправдывающих понесенные издержки. Воспоминания описывают чужую группу делегитимизирующим и дегуманизирующим способом (как низших существ или животных). Такой результат подтверждается и многими другими исследованиями, например, коллективной памяти о войне колонизаторов с коренным населением Америки (Paez, Liu, 2015).

Таким образом, результаты исследований коллективных воспоминаний о войнах обеспечивают поддержку концепции этоса конфликта Бар-Тая. Судя по всему, функции коллективной памяти, частично совпадающие с функциями этоса конфликта, универсальны для любых обществ, а не только для групп, вовлеченных в трудноразрешимый конфликт. Паец, Лиу и Т.П. Емельянова сходятся во мнении, что использование коллективной памяти в государственных целях при конкуренции с другими нациями является общей тенденцией современного мира. Без сомнения, текущие события и полити-

ческая повестка дня ведущих политических сил в государстве влияют на то, как конструируются социальные воспоминания. Просто в обществах, включенных в трудноразрешимые конфликты, эта политическая повестка дня связана с продолжающимися военными действиями.

Паец и Лиу развивают идеи Бар-Таля о целенаправленном влиянии на коллективную память как способе трансформации этоса конфликта, снижении интенсивности коллективных эмоциональных переживаний, препятствующих примирению. Такая работа возможна только на постконфликтной стадии, когда активные военные действия прекращены, но этос сохранился, как и взаимные обиды. Важными шагами примирения и формирования общих разделяемых представлений о прошлом являются: 1) принятие фактов о событиях, включающих страдания членов чужой группы, что позволяет конструировать нарратив, описывающий историческое бедствие, в котором пострадали обе стороны; 2) воспоминание о произошедших событиях с признанием страданий членов собственной группы, но без ненависти к аутгруппе и без оправдания последующих насильственных действий, совершенных по отношению к ней, а также признание коллективных преступлений, совершенных в прошлом членами собственной группы; 3) создание всеобъемлющего нарратива, объединяющего группы, описывающего весь опыт прошлого и перспективы будущего в одной истории.

Описанные пункты являются шагами по совместному реконструированию фактологической картины конфликта. Например, смысл великих сражений Второй мировой войны сначала был патриотическим и националистическим для Франции и Германии (как проявление героизма, славы и боевого духа солдат), а спустя годы в результате реконструирования эти сражения стали восприниматься как символ «резни» и гибели миллионов людей для обеих стран (Rosoux, 2001). Деятельность по реконструированию социальных представлений о прошлом может осуществляться специальными комиссиями по установлению истины и примирению, в задачи которых входит оценить страдания потерпевших и организовать компенсации ущерба, предотвратить новые акты насилия, циклы мести и военные преступления, способствовать формированию коллективной памяти, ориентированной на будущее (Hamber, 2012). Согласно теории Бар-Таля (Bar-Tal, 2007), они способствуют тому, что общество сдвигается от коллективной эмоциональной ориентации на страх и ненависть к коллективной эмоциональной ориентации на надежду. И это подтверждено результатами исследований (Cardenas et al., 2013, 2015). Таким образом, изменения достигаются за счет конструирования воспоминаний о насилии и преступлениях, совершенных всеми вовлеченными сторонами, то есть и коллективная вина, и коллективные страдания разделяются обеими группами. Виктимизация и идеализация ингруппы при этом снижаются. Это открывает пространство для диалога и примирения.

В нашем собственном исследовании, которое мы кратко описывали в предыдущем параграфе, тоже были зафиксированы проявления конструирования совместной российско-украинской истории, объединяющей обе нации, в текстах ответов респондентов. Это были воспоминания об общем историческом прошлом, общей социальной идентичности, связанные также с нали-

чием дружественных и родственных связей участников исследования с представителями украинской стороны.

Представители данного направления исследований трудноразрешимых конфликтов (Paez, Liu, 2015) выделяют несколько препятствий в работе по реконструированию коллективных воспоминаний. Во-первых, это отсутствие личной и групповой вины за совершенные в ходе конфликта коллективные преступления. Часто признание вины и необходимости компенсаций – это позиция группы меньшинства, непопулярная среди других членов общества. Исследования показывают, что после окончания периода активных военных или насильственных действий уже третье поколение, хотя и помнит о содеянном, но не готово брать на себя ответственность за причиненный ущерб (Dresler-Hawke, Liu, 2006), что связывается с действием защитных механизмов.

Во-вторых, суд, осуществляемый победившей стороной, не воспринимается побежденной как справедливый, а доказательства вины, которые в нем рассматриваются, – как правдивые и достаточные. Поэтому представители побежденной группы могут не соглашаться с вынесенным решением, разделять убеждение, что, если бы ингруппа победила, никто бы их не судил.

В-третьих, члены конфликтующих групп лучше помнят и признают преступления, совершенные представителями чужой группы, чем аналогичные действия со стороны своей собственной. Например, португальцы лучше помнят о преступлениях в Латинской Америке XIX века, совершенных испанцами, чем самими португальцами (Marques et al., 2006).

В-четвертых, если доказательства вины в преступлениях, совершенных в ходе конфликта, неоспоримы, и их источники вызывают доверие, то включаются коллективные защитные механизмы, например, формируются убеждения, что в историческом контексте преступление было оправдано, или насилие было направлено на небольшую группу, которая провоцировала агрессию и заслуживала такого обращения (Marques, Paez, 2008).

В-пятых, у членов общества с сильно выраженной национальной или этнической идентичностью воспоминания о травмирующих событиях более полные (Стефаненко и др., 2017а) и сопротивление реконструированию проявляется больше, они менее склонны принимать критику в адрес ингруппы и поддерживать компенсации пострадавшим (Paez, Liu, 2015).

Подводя итог, можно сказать, что в условиях трудноразрешимого конфликта и высокого согласия членов общества с этосом общая тенденция коллективной памяти прославлять подвиги и достижения ингруппы, преувеличивая ее страдания и преуменьшая их последствия для членов аутгрупп, приобретает более ярко выраженный, экстремальный характер.

Заключение

Мы всестороннее рассмотрели понятие этоса трудноразрешимого конфликта, как оно представлено в современной зарубежной литературе. С нашей точки зрения, у концепции этоса есть все шансы прочно войти в отечественную психологию межгрупповых отношений, она может применяться российскими исследователями при изучении возникающих и продолжающихся конфликтов на территории бывшего СНГ. В частности, модель этоса может

помочь в интерпретации результатов изучения этнических стереотипов и предубеждений членов конфликтующих групп, объяснять специфику атрибутивных процессов, касающихся ситуаций конфликтного противостояния и глубже понимать их функции, объяснять природу избирательности восприятия и забывания событий трудноразрешимого конфликта, а также менталитета групп, включенных в него.

В исследованиях этоса важно сочетать количественные и качественные методы. Шкала этоса Бал-Таля может быть переведена и адаптирована для российской выборки. Однако важно помнить, что внутри такой системы убеждений, как этос трудноразрешимого конфликта, важно различать нюансы представлений об этом конфликте у разных идеологических подгрупп, существующих внутри обществ, включенных в него, обращать внимание не только на доминирующую историю конфликта, но и делать видимыми альтернативные точки зрения.

При воздействии на этос конфликта с целью его трансформации и создания возможностей для диалога сторон конфликта важно учитывать специфику эпистемологических, экзистенциальных и отношенческих потребностей, остро выраженных у членов конфликтующих групп, а также идеологические убеждения, которые формируются вследствие этого.

В постконфликтных обществах можно поводить работу по примирению сторон и изменению предубеждений с помощью совместного реконструирования коллективной памяти, однако при этом приходится иметь дело с коллективными защитными механизмами, которые препятствуют подобным изменениям.

Благодарности и финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00980 «Историко-политические факторы трансформации коллективной памяти и идентичности российского общества».

Список литературы

- Бовина И.Б.* Теория социальных представлений: история и современное развитие // Социологический журнал. 2010. № 3. С. 5–20.
- Голыничик Е.О.* Коллективные переживания трудноразрешимых социальных конфликтов // Коллективные переживания социальных проблем / под ред. Т.Г. Стефаненко, С.А. Липатова. М.: Смысл, 2015. С. 117–149.
- Голыничик Е.О.* Преимущества использования качественных методов в современных исследованиях восприятия конфликта // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 53–61. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090306>
- Гулевич О.А.* Психология межгрупповых отношений. М.: Юрайт, 2017. 341 с.
- Гулевич О.А., Неврюев А.Н.* Социальные верования и оценка военного вмешательства в дела других стран: роль авторитаризма и национальной идентификации // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 3. С. 52–68.
- Донцов А.И., Стефаненко Т.Г.* Культурная память о геноциде и этническая идентичность российских армян // Человеческий капитал. 2017. № 11. С. 69–75.
- Емельянова Т.П.* Коллективная память о событиях отечественной истории. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2019. 299 с.
- Емельянова Т.П.* Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 475 с.

- Потанина А.М. Образ трудноразрешимого межгруппового конфликта в российских СМИ // Человеческий капитал. 2018. № 7. С. 94–103.
- Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2014. 352 с.
- Стефаненко Т.Г., Донцов А.И., Донцов Д.А. Геноцид как историко-политический фактор коллективной памяти российских армян // Человеческий капитал. 2017а. № 12. С. 3–9.
- Стефаненко Т.Г., Тумгоева Т.А., Котова М.В. Культурная память и социальная идентичность ингушей как представителей репрессированного народа // Национальный психологический журнал. 2017б. № 4. С. 45–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0404>
- Altemeyer B. The other “authoritarian personality” // *Advances in experimental social psychology* / ed. by M.P. Zanna. Vol. 30. San Diego: Academic, 1998. Pp. 48–92. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60382-2](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60382-2)
- Bamberg M.G.W., Andrews M. Considering counter-narratives: Narrating, resisting, making sense. Amsterdam: John Benjamins, 2004. <https://doi.org/10.1075/sin.4.43bam>
- Bar-Tal D. Intractable conflict. Socio-psychological foundations and dynamics. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139025195>
- Bar-Tal D. Sociopsychological foundations of intractable conflict // *American Behavioral Scientist*. 2007. Vol. 50. Pp. 1430–1453. <https://doi.org/10.1177/0002764207302462>
- Bar-Tal D., Halperin E. Socio-psychological barriers to conflict resolutions // *Intergroup conflicts and their resolution* / ed. by D. Bar-Tal. New York: Taylor & Francis, 2011. Pp. 217–240. <https://doi.org/10.4324/9780203834091>
- Bar-Tal D., Sharvit K., Zafran A., Halperin E. Ethos of conflict: The concept and its measurement // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 1. Pp. 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>
- Bonanno G.A., Jost J.T. Conservative shift among high-exposure survivors of the September 11th terrorist attacks // *Basic and Applied Social Psychology*. 2006. Vol. 28. Pp. 311–323. https://doi.org/10.1207/s15324834basps2804_4
- Cardenas M., Paez D., Rime B. Transitional justice processes, shared narrative memory about past collective violence and reconciliation: The case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” commissions // *Narrative and social memory: theoretical and methodological approaches* / ed by R. Cabecinhas, L. Abadia. Braga: Communication and Society Research Centre, 2013. Pp. 61–76.
- Cardenas M., Paez D., Rime B., Arnoso M. How Transitional Justice Processes and Official Apologies Influence Reconciliation: The Case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” Commissions // *Journal of Community & Applied Social Psychology*. 2015. Vol. 25. No. 6. Pp. 515–530. <https://doi.org/10.1002/casp.2231>
- Cohrs J.Ch, Ulug Ö.M., Stahel L., Kislioglu R. Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict // *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Springer: Switzerland, 2015. Vol. 1. Pp. 33–45. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman P.T. Intractable conflict // *The handbook of conflict resolution: theory and practice* / ed. by M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus. San Francisco: Jossey-Bass, 2014. Pp. 708–743.
- Dresler-Hawke E., Liu J.H. Collective shame and the positioning of German national identity // *Psicologia Politica*. 2006. Vol. 32. Pp. 131–153.
- Gulevich O., Nevryuev A. N., Sarieva I. War As A Method Of Conflict Resolution: The Link Between Social Beliefs, Ideological Orientations And Military Attitudes In Russia // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2019. In Press. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Halperin E. Collective emotions and emotion regulation in intractable conflicts // *Collective emotions. Perspectives from psychology, philosophy, and sociology* / ed. by Ch. von Scheve, M. Salmela. Oxford: Oxford University Press, 2014. Pp. 281–298. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0019>

- Halperin E.* Emotion in conflict: inhibitors and facilitators of peace making. New York: Roulledge, 2016. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Hamber B.* Conflict museums, nostalgia, and dreaming of never again // *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. 2012. Vol. 18. No. 3. Pp. 261–281. <https://doi.org/10.1037/a0029076>
- Hennes E.P., Nam H.H., Stern C., Jost J.T.* Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes // *Social Cognition*. 2012. Vol. 30. No. 6. Pp. 669–688. <https://doi.org/10.1521/soco.2012.30.6.669>
- Jost J.T., Gaucher D., Stern C.* “The world isn’t fair”: A system justification perspective on social stratification and inequality // *APA handbook of personality and social psychology* / ed by J. Davidio, J. Simpson. Washington, DC: American Psychological Association, 2015a. Vol. 2. Pp. 317–340. <https://doi.org/10.1037/14342-012>
- Jost J.T., Stern Ch., Sterling J.* Ethos of Conflict: A System Justification Perspective // *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Springer: Switzerland, 2015b. Vol. 1. Pp. 47–59. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_4
- Lavi I., Canetti D., Sharvit K., Bar-Tal D., Hobfoll S.E.* Protected by ethos in a protracted conflict? A comparative study among Israelis and Palestinians in the West Bank, Gaza, and East Jerusalem // *Journal of Conflict Resolution*. 2014. Vol. 58. No. 1. Pp. 68–92. <https://doi.org/10.1177/0022002712459711>
- Liu J.H., Paez D. et al.* Cross-cultural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? // *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2012. Vol. 43. No. 2. Pp. 251–272. <https://doi.org/10.1177/0022022110390926>
- Marques J., Paez D.* Subjective group’s dynamic: A theoretical framework for the black sheep effect // *Bilans et Perspective en Psychologie Sociale*. 2008. Vol. 62. Pp. 71–116.
- Marques J., Paez D., Valencia J., Vincze O.* Effects of group membership on the transmission of negative historical events // *Psicologia Politica*. 2006. Vol. 32. Pp. 79–105.
- Páez D., Liu J.H.* The Collective Remembering of Conflict and Its Role in Fueling an Ethos of Conflict in Society // *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* / ed. by E. Halperin, K. Sharvit. Springer: Switzerland, 2015. Vol. 1. Pp. 61–75. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Rosoux V.* Human rights and the work of memory in international relations // *International Journal of Human Rights*. 2004. Vol. 3. No. 2. Pp. 159–170. <https://doi.org/10.1080/1475483042000210694>
- Rosoux V.* National identity in France and Germany: from mutual exclusion to negotiation // *International Negotiation*. 2001. Vol. 6. No. 2. Pp. 175–198. <https://doi.org/10.1163/15718060120849035>
- Stephenson W.* The study of behavior: Q technique and its methodology // *American Journal of Sociology*. 1955. Vol. 61. Pp. 67–69. <https://doi.org/10.1086/221704>

История статьи:

Поступила в редакцию: 15 декабря 2019 г.

Принята к печати: 25 января 2020 г.

Для цитирования:

Гольничик Е.О. Этнос трудноразрешимого межэтнического конфликта: исследовательские подходы и перспективы изучения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика*. 2020. Т. 17. № 1. С. 29–50. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>

Сведения об авторе:

Гольничик Елена Олеговна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии факультета психологии Московского государственного универ-

ситета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия). ResearcherID: L-1387-2013, ScopusID: 7801397442, eLIBRARY SPIN-код: 2048-5534. E-mail: elena_golynchik@mail.ru

Review article

The Ethos of Intractable Interethnic Conflict: Research Approaches and Prospects

Elena O. Golynchik

Lomonosov Moscow State University
11 Mokhovaya St., bldg. 9, Moscow, 125009, Russian Federation

Abstract. The present article deals with the concept of ‘ethos’ as applied to intractable interethnic conflicts – this topic has hardly ever been addressed in Russian scientific literature. The ethos of conflict is defined as a system of social beliefs and myths shared by a large group of people involved in a long-term intractable conflict and closely connected with the history of the conflict that dominates in this society, i.e. the collective memory of it. The concept of ‘intractable interethnic conflict’ was introduced into Russian psychology by T.G. Stefanenko, who began to study the phenomenology of such conflicts at the Department of Social Psychology of Lomonosov Moscow State University. Following the line, the article introduces the reader to modern research in this area. In the first part of the work, the author gives a definition of an intractable conflict, analyzes D. Bar-Tal’s theory of the ethos of conflict and describes methods for studying it applied in foreign social psychology. The author also describes the content of eight topics, around which the beliefs that make up the ethos of conflict are grouped. The second part of the article deals with the critics of contemporary ethos of conflict researches and new approaches to this phenomenon. The following three current trends in studying the ethos of conflict are highlighted: the first one is associated with an attempt to explain the ethos of conflict stability within the categories of J. Jost’s system justification theory (SJT); the second one is based on the assumption that the beliefs of members of a conflicting group are not uniform; therefore, it is important to study not only the prevailing social point of view on the conflict but also alternative views of minor or even outsider groups (rather opposing the ethos), because it is often an alternative view that can help out of a seemingly insoluble situation; and the last one is connected with research at the intersection of the phenomenology of the ethos of conflict and collective memory.

Key words: intractable intergroup conflict, ethos of conflict, T.G. Stefanenko, interethnic conflict, ethnonational conflict, collective memory, system justification theory

Acknowledgements and Funding. This study was done with the help of grant from RFFR No. 17-06-00980 “The historical and political factors of transformation of the collective memory and identity of the Russian society”.

References

- Altemeyer, B. (1998). The other “authoritarian personality”. In M. P. Zanna (Ed.), *Advances in Experimental Social Psychology* (vol. 30, pp. 48–92). San Diego: Academic. [https://doi.org/10.1016/s0065-2601\(08\)60382-2](https://doi.org/10.1016/s0065-2601(08)60382-2)
- Bamberg, M.G.W., & Andrews, M. (2004). *Considering counter-narratives: Narrating, Resisting, Making Sense*. Amsterdam: John Benjamins. <https://doi.org/10.1075/sin.4.43bam>

- Bar-Tal, D. (2007). Sociopsychological foundations of intractable conflict. *American Behavioral Scientist*, 50(11), 1430–1453. <https://doi.org/10.1177/0002764207302462>
- Bar-Tal, D. (2013). *Intractable conflict: Socio-Psychological Foundations and Dynamics*. Cambridge: Cambridge University Press. <https://doi.org/10.1017/cbo9781139025195>
- Bar-Tal, D., & Halperin, E. (2011). Socio-psychological barriers to conflict resolutions. In D. Bar-Tal (Ed.), *Intergroup Conflicts and Their Resolution* (pp. 217–240). New York: Taylor & Francis. <https://doi.org/10.4324/9780203834091>
- Bar-Tal, D., Sharvit, K., Zafran, A., & Halperin, E. (2012). Ethos of conflict: The concept and its measurement. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 18(1), 40–61. <https://doi.org/10.1037/a0026860>
- Bonanno, G.A., & Jost, J.T. (2006). Conservative shift among high-exposure survivors of the September 11th terrorist attacks. *Basic and Applied Social Psychology*, 28(4), 311–323. https://doi.org/10.1207/s15324834basp2804_4
- Bovina, I.B. (2010). Theory of social representations: History and the actual development. *Sociological Journal*, (3), 5–20. (In Russ.)
- Cardenas, M., Paez, D., & Rime. B. (2013). Transitional justice processes, shared narrative memory about past collective violence and reconciliation: The case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” commissions. In R. Cabecinhas, L. Abadia (Eds.), *Narrative and social memory: theoretical and methodological approaches* (pp. 61–76). Braga: Communication and Society Research Centre.
- Cardenas, M., Paez, D., Rime, B., & Arnosó, M. (2015). How Transitional Justice Processes and Official Apologies Influence Reconciliation: The Case of the Chilean “Truth and Reconciliation” and “Political Imprisonment and Torture” Commissions. *Journal of Community & Applied Social Psychology*, 25(6), 515–530. <https://doi.org/10.1002/casp.2231>
- Cohrs, J.Ch, Ulug, Ö.M., Stahel, L., & Kislioglu, R. (2015). Ethos of Conflict and Beyond: Differentiating Social Representations of Conflict. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* (vol. 1, pp. 33–45). Springer: Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_3
- Coleman, P.T. (2014). Intractable conflict. In M. Deutsch, P.T. Coleman, E.C. Marcus (Eds.), *The Handbook of Conflict Resolution: Theory and Practice* (pp. 708–743). San Francisco: Jossey-Bass.
- Dontsov, A.I., & Stefanenko, T.G. (2017). Cultural memory of genocide and ethnic identity of Russian Armenians. *Human Capital*, (11), 69–75. (In Russ.)
- Dresler-Hawke, E., & Liu, J.H. (2006). Collective shame and the positioning of German national identity. *Psicologia Politica*, 32, 131–153.
- Golynchik, E.O. (2015). Kollektivnyye perezhivaniya trudnorazreshimykh sotsial'nykh konfliktov. In T.G. Stefanenko & S.A. Lipatov (Eds.), *Kollektivnyye Perekhivaniya Sotsial'nykh Problem* (pp. 117–149). Moscow: Smysl Publ. (In Russ.)
- Golynchik, E.O. (2018). Potential of qualitative methods in the modern research of conflict perception. *Social Psychology and Society*, 9(3), 53–61. <https://doi.org/10.17759/sps.2018090306> (In Russ.)
- Gulevich, O., Nevryuev, A.N., & Sarieva I. (2019). War As A Method Of Conflict Resolution: The Link Between Social Beliefs, Ideological Orientations And Military Attitudes In Russia. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*. In Press. <https://doi.org/10.1037/pac0000434>
- Gulevich, O.A. (2017). *Psikhologiya Mezhgruppovykh Otnosheniy*. Moscow: Yurait Publ. (In Russ.)
- Gulevich, O.A., & Nevryuev, A.N. (2015). Social Beliefs and Evaluation of Military Intervention in Other Countries Affairs: The Role of Authoritarianism and National Identification. *Psychology. Journal of the Higher School of Economics*, 12(3), 52–68. (In Russ.)
- Halperin E. (2016). *Emotion in Conflict: Inhibitors and Facilitators of Peace Making*. New York: Roulledge. <https://doi.org/10.4324/9781315850863>
- Halperin, E. (2014). Collective emotions and emotion regulation in intractable conflicts. In Ch. von Scheve, M. Salmela (Eds.), *Collective Emotions. Perspectives from Psychology*

- gy, *Philosophy, and Sociology* (pp. 281–298). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199659180.003.0019>
- Hamber, B. (2012). Conflict museums, nostalgia, and dreaming of never again. *Peace and Conflict: Journal of Peace Psychology*, 18(3), 261–281. <https://doi.org/10.1037/a0029076>
- Hennes, E.P., Nam, H.H., Stern, C., & Jost, J.T. (2012). Not all ideologies are created equal: Epistemic, existential, and relational needs predict system-justifying attitudes. *Social Cognition*, 30(6), 669–688. <https://doi.org/10.1521/soco.2012.30.6.669>
- Jost, J.T., Gaucher, D., & Stern, C. (2015a). “The world isn’t fair”: A system justification perspective on social stratification and inequality. In J. Davidio, & J. Simpson (Eds.). *APA Handbook of Personality and Social Psychology* (vol. 2, pp. 317–340). Washington, DC: American Psychological Association. <https://doi.org/10.1037/14342-012>
- Jost, J.T., Stern, Ch., & Sterling, J. (2015b). Ethos of Conflict: A System Justification Perspective. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.). *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* (vol. 1, pp. 47–59). Springer: Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_4
- Lavi, I., Canetti, D., Sharvit, K., Bar-Tal, D., & Hobfoll, S.E. (2014). Protected by ethos in a protracted conflict? A comparative study among Israelis and Palestinians in the West Bank, Gaza, and East Jerusalem. *Journal of Conflict Resolution*, 58(1), 68–92. <https://doi.org/10.1177/0022002712459711>
- Liu, J.H., Paez, D. et al. (2012). Cross-cultural dimensions of meaning in the evaluation of events in world history? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 43(2), 251–272. <https://doi.org/10.1177/0022022110390926>
- Marques, J., & Paez, D. (2008). Subjective group’s dynamic: A theoretical framework for the black sheep effect. *Bilans et Perspective en Psychologie Sociale*, 62, 71–116.
- Marques, J., Paez, D., Valencia, J., & Vincze, O. (2006). Effects of group membership on the transmission of negative historical events. *Psicologia Politica*, 32, 79–105.
- Páez, D., & Liu, J.H. (2015). The Collective Remembering of Conflict and Its Role in Fueling an Ethos of Conflict in Society. In E. Halperin, K. Sharvit (Eds.), *Social Psychology of Intractable Conflict. Celebrating the Legacy of Daniel Bar-Tal* (vol. 1, pp. 61–75). Springer: Switzerland. https://doi.org/10.1007/978-3-319-17861-5_5
- Potantina, A.M. (2018). An image of an intractable intergroup conflict in the Russian media. *Human Capital*, (7), 94–103. (In Russ.)
- Rosoux, V. (2001). National identity in France and Germany: from mutual exclusion to negotiation. *International Negotiation*, 6(2), 175–198. <https://doi.org/10.1163/15718060120849035>
- Rosoux, V. (2004). Human rights and the work of memory in international relations. *International Journal of Human Rights*, 3(2), 159–170. <https://doi.org/10.1080/1475483042000210694>
- Stefanenko, T.G. (2014). *Etнопсихологиya*. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., Dontsov, A.I., & Dontsov, D. A. (2017a). Genocide as a historical and political factor of collective memory of Russian Armenians. *Human Capital*, (12), 3–9. (In Russ.)
- Stefanenko, T.G., Tumgoeva, T.A., & Kotova, M.V. (2017b). The Ingush’s cultural memory and social identity as a representative of repressed ethnic group. *National Psychological Journal*, (4), 45–56. <https://doi.org/10.11621/npj.2017.0404> (In Russ.)
- Stephenson, W. (1955). The study of behavior: Q technique and its methodology. *American Journal of Sociology*, 61, 67–69. <https://doi.org/10.1086/221704>
- Yemel’yanova, T.P. (2016). *Sotsial’nyye Predstavleniya: Istoriya, Teoriya i Empiricheskiye Issledovaniya*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)
- Yemel’yanova, T.P. (2019). *Kollektivnaya Pamyat' o Sobytiyakh Otechestvennoy Istorii*. Moscow: Institut psikhologii RAN Publ. (In Russ.)

Article history:

Received: 15 December 2019

Revised: 23 January 2020

Accepted: 25 January 2020

For citation:

Golynchik, E.O. (2020). The Ethos of Intractable Interethnic Conflict: Research Approaches and Prospects. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 17(1), 29–50. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2020-17-1-29-50>

Bio note:

Elena O. Golynchik, Ph.D. in Psychology, is Associate Professor at Social Psychology Department of Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia). ResearcherID: L-1387-2013, ScopusID: 7801397442, eLIBRARY SPIN-code: 2048-5534. E-mail: elena_golynchik@mail.ru